

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ПОВЕСТЯХ А. С. КОТКИНА «ЗАПОВЕДНОЕ ОЗЕРО» И И. Н. МОЛЧАНОВА «В ЛЕСАХ СЕВЕРА»

А. В. Давыдова

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 2 сентября 2025 г.

Аннотация. статья посвящена анализу художественной антропологии в контексте художественной картины мира в произведениях Северного текста русской литературы для детей. Материалом исследования являются повести А. С. Коткина «Заповедное озеро» и И. Н. Молчанова «В лесах Севера». Автор рассматривает образ человека в произведениях в его взаимосвязи с другими образно-семантическими элементами художественной северорусской картины мира (образами озера, леса, реки, мотивами границы, богатства и красоты северной природы, пути, испытания/инициации).

Ключевые слова: художественная антропология, Северный текст русской литературы для детей.

Abstract: the article is devoted to the analysis of artistic anthropology in the context of an artistic picture of the world in the works of the Northern text of Russian literature for children. The research material is the novel by A. S. Kotkin "Reserved Lake" and I. N. Molchanov "In the Forests of the North." The author considers the image of a person in works in his relationship with other figurative-semantic elements of the artistic North Russian picture of the world (images of a lake, forest, river, motifs of the border, wealth and beauty of northern nature, path, trial/initiation).

Keywords: art anthropology, Northern text of Russian literature for children.

Образ человека в литературе часто становится предметом исследования в современной филологии. В общетеоретических работах делаются попытки определить сущность понятия «художественная антропология». При этом одни исследователи связывают его с категориями содержания художественного текста, как, например, В. В. Савельева [1]. От подобного понимания отталкиваются авторы многих работ, посвященных исследованию творчества конкретных художников (Н. А. Гвоздева [2], А. И. Куляпин [3] и др.). Другой подход к пониманию художественной антропологии сводится к осознанию ее как метода исследования (В. В. Башкеевой [4] и др.). Нам ближе интегративный подход Т. Б. Зайцевой, осознающей художественную антропологию «как исследование человека во всей его целостности... и как воплощение в творчестве... авторской художественно-философской концепции человека» [5, 3].

Стоит отметить, что для нашей работы также актуальны труды, посвященные антропологии детства, в которых оно мыслится как социокультурный феномен (А. В. Бабук [6], Я. В. Погребная и Е. И. Дворникова [7], А. В. Минаева, Д. Б. Коржавина [8]).

Кроме того, значимы исследования, которые изучают художественную антропологию в аспекте национальной идентичности. К этой проблеме обращаются как лингвисты, рассматривающие национальную языковую картину мира (Л. В. Миллер [9], Т. В. Симашко, М. Н. Маслова, Н. С. Морозова [10]), так

и литературоведы (З. А. Кучукова, А. А. Жабоева [11], Т. В. Швецова [12] и др.). Близки к этой группе исследований работы, авторы которых изучают художественную антропологию локальных свертков (Н. А. Ермакова [13], Е. Н. Чупрова [14] и др.).

Известное горьковское определение литературы как человековедения актуально и для произведений Северного текста. На широком литературном материале рассматривает «семантические составляющие архетипического образа северного человека» М. Н. Гладцинова [15]. Образы арктических исследователей становятся предметом изучения в статье Н. П. Таньшиной [16]; а национальный характер в произведениях В. Белова — в работах Е. В. Крикливец [17] и А. П. Беловой [18]. Однако мы не нашли исследований, посвященных рассмотрению художественной антропологии в Северном тексте русской литературы для детей. Это свидетельствует о научной новизне нашей работы.

Рассмотрим особенности художественной антропологии в Северном тексте русской литературы для детей на примере повестей И. Н. Молчанова «В лесах Севера» (1958) и А. С. Коткина «Заповедное озеро» (1977), сходных по сюжету и системе образов персонажей. Итак, целью предпринятого исследования является рассмотрение особенностей художественной антропологии в контексте художественной картины мира в ранее не изученных произведениях Северного текста русской литературы для детей.

Уже в названии повести А. С. Коткина (1925-2007) «Заповедное озеро» обозначен ее центральный при-

родный образ. Несмотря на то, что действие происходит в Малоземельской тундре, автор центром художественного мира делает именно лесное, не тундровое озеро, что не свойственно для текстов, изображающих данную местность. При этом название повести содержит обобщение, так как в тексте идет речь о целой системе озер, куда на долгожданную рыбалку отправляются братья Костя и Федька с их дедом Кириллом Петровичем.

Повесть «В лесах Севера» И. Н. Молчанова (1903-1984) увидела свет в 1958 г. Произведение в жанровом отношении сближается с формой художественного краеведческого учебника, в котором автор, повествуя о приключениях героев, центральным делает образ северного леса.

Последний в рассматриваемом тексте воспринимается писателем широко, как модель мира, о чем свидетельствует множественное число лексемы, заявленной в названии. Леса Севера для автора становятся целым миром, живущим по своим законам, сам Север мыслится как лесное пространство. Для повести И. Молчанова характерен хронотоп леса как разнovidность хронотопа пути.

Начало пути героев — еловый лес, где деревья сравниваются со стенами, что актуализирует образную ассоциацию «лес — дом». Для обозначения смешанного леса рассказчик использует диалектное слово «рада» [20, 9]. Несколько раз в повести встречается образ бора. Причем автор явно противопоставляет ельник и бор, как тьму и свет, замкнутость и простор. Так, описание бора отсылает скорее к описанию дворца с соснами-колоннами и высокими сводами из сомкнутой ветвей. Такие архитектурные ассоциации характеризуют восприятие рассказчиком леса как культурологическое.

Кроме того, для описания бора в повести устойчивы сказочные мотивы. Так, часто повторяется образ великанов-сосен, которые кажутся рассказчику живыми. Неудивительно, что в таком пространстве человек начинает за реальным ощущать необъяснимое. Так, рассказчик сравнивает два подхода к пониманию состояния человека, заблудившегося в лесу: научный — агорафобия [20, 28] и фольклорный (леший «водит по лесу и скрывает дорогу» [20, 32]). Сомнения в реальности происходящего у героя характеризуют северный лес как пространство пограничное.

Повести А. Коткина и И. Молчанова во многом сходны по мотивной и образной структуре. Так, мотив границы своеобразно развивается и в повести «Заповедное озеро», взаимодействуя в смысловом отношении с центральным природным образом через мотив отражения (реальный мир — иллюзорный, земля — небо).

Другой общий для повестей мотив — мотив красоты природы Севера. В повести А. Коткина он тесно связан с мотивом творчества. Дед, словно чудо,

открывая внукам заповедное озеро, побуждает их испытывать восхищение красотой родной природы. Для старика красота мира — это его уникальность и неповторимость. Эта природосообразность отличает и образ самого Кирилла Петровича, который сравнивает себя с озером: «...стоялому озерцу не хочу уподобиться. Мне еще отец когда-то говорил, что сила всего живого — в движении...» [19, 5]. Эти вечное движение и неповторимость живой природы, явленные в человеке и окружающем его мире, становятся в повести основой для творчества. Дед сравнивает природу с творцом, писателем, создающим книгу [19, 7]. Исследование северной природы становится, по А. Коткину, своеобразным сотворчеством, когда человек-читатель пытается постичь замысел творца-писателя.

В повести Молчанова мотив красоты северной природы также связан с образом озера. При характеристике озера рядом с избушкой Анисима автор выделяет мифопоэтический мотив: старик сравнивает его с «морским глазом», которым «море-океан» «смотрит», «что делается в лесах» [20, 68]. У рассказчика этот образ вызывает фольклорную ассоциацию с «морским оком» из словацкой легенды [там же], что указывает на архетипичность мифопоэтических представлений старого северянина. Важно отметить, что в Северном тексте русской литературы для детей сравнение озера с глазом характерно для описаний тундровых, а не лесных озер (А. Членов «Как Алешка жил на Севере» и др.). Кроме того, мысль о том, что озеро, напрямую в Северном тексте для детей не связанное с хронотопом пути (в его пространстве герои не движутся), является своеобразным порталом для моря (водной стихии) в пространстве леса (стихии земли), самобытно актуализирует мотив единства различных элементов природного космоса Севера.

Еще одним сквозным для обоих текстов мотивом становится мотив биоразнообразия северного природного мира. У А. Коткина он реализуется прежде всего через зооморфные образы и смысловую оппозицию «человек — природа». Так, например, Кирилл Петрович образно называет озера «кладом» за их рыбные ресурсы [19, 11]; в повести упоминаются бурые медведи, «космари» [19, 7] — утиные выводки, выдра. Особое место в системе орнитоморфных образов повести занимает образ лебедя. Кирилл Петрович кается, что в молодости «ударял за лебедиными яйцами» [там же] и досадует на Костю, когда тот предлагает взять одно яйцо на яичницу. Дед горячо протестует: «Коль они на нашей земле, то наши. Их оберегает наш закон. А в лесу да в тундре закон этот лежит на совести людской. И добрый человек его не переступит» [19, 16]. Писатель поднимает не только острые, но и нравственно-психологические проблемы: отношение к природе является индикатором человеческой морали. Вот и отношение к лебедю — проверка внутренних ка-

честв героев. Братья наблюдают за поединком орлана и лебедя-самца. Способность видеть красоту родной природы, сопереживать ей, стремиться ее сберечь характеризуют маленьких северян как поэтичных, способных ценить прекрасное, эмпатичных людей. Герои, конечно, не идеальны, но в главном они с малолетства верны вечным нравственным установкам человечества, призванного ощущать ответственность за окружающий мир.

Кроме того, в связи с анималистическими образами и мотивом природного богатства северных озер в повести находится тема охоты, которая у А. Коткина решается неоднозначно. Костя наивно осуждает деда и его поколение за варварское отношение к природе в прошлом, считает их большими преступниками, чем он, не пожалевший одного лебеденка и держащий медведя на привязи. Кирилл Петрович же, не снимая с себя и своих сверстников вины, тем не менее хочет, чтобы внук задумался над мотивами, которые толкают человека на убийство животного. Мудрый Кирилл Петрович понимает, что настоящий охотник не должен переставать быть настоящим человеком.

С восприятием человека связан мотив богатства северной природы и в повести И. Молчанова. Мир леса видится глазами рассказчика, путешественника и следопыта. Герой точен и подробен при характеристике северных растений и животных, повествователь использует одну-две описательные детали, вводя в текст мотив биоразнообразия северного леса.

Значимым в обеих повестях становится и мотив пути, связанный с более частными природными образами. Устойчивым для произведений А. Коткина и И. Молчанова в этом контексте является образ реки. У первого река Соймянка — это своеобразная водная дорога, которая ведет героев к охотничьей избушке и заповедному озеру. Лодку по «рыжим водам» [19, 6] реки ведет Костя, ведь и сам мальчик «рыж от пяток до волос» [19, 3], подвижен, «остер на язык, боек, как быстроводная Соймянка» [там же]. Именно река становится настоящим испытанием, которое проходит герой. Всегда уверенный в себе и внешне смелый Костя после того, как в темноте переплыл реку, признается брату: «А я боялся!» [19, 49]. Для него спасение унесенной во время грозы лодки становится испытанием смелости и умения жертвовать собой ради других, в водах родной Соймянки Костя проходит своеобразный обряд инициации, преодолевая себя.

Схож в смысловом отношении с образом Соймянки образ безымянной реки, которая помогает героям вернуться домой, и в повести «В лесах Севера». Рассказчик дает ей точные характеристики в тексте: «Капризна северная река» [20, 83]. Как и движение в пространстве леса у заблудившихся путников, так и движение по реке связано для героев с преодолением препятствий, например порогов. Они вызы-

вают у рассказчика воспоминания о путешествии по Ижме, «притоку полярной Печоры» [20, 85]. Обращение к воспоминаниям героя помогает автору увидеть своеобразие северных рек в целом.

Мотив испытания, преодоления себя, тесно связанный с системой образов персонажей и конфликтом, так же сближает повести А. Коткина и И. Молчанова. Так, в повести «Заповедное озеро» этот мотив реализуется через образ сопки Хольгеркамень. Первоначально она связана с легендой о Чертовой горе, которая издревле была сакральным местом для ненцев, хоронивших там своих умерших. Епишка, соратник прапрадеда Кости и Федьки, разорил ненецкую могилу, за что был наказан древними духами сумасшествием и страхом. Второй раз испытывает себя и проверяет правдивость легенды Костя, который уносит из ненцкого капища топор. И, наконец, в финале, поспорив с братом, испытывать себя на сопку отправляется Федька. Для мальчика это равносильно инициации: преодолевая страх, он обретает не только уверенность в себе, но и сближается с братом.

Подобная композиционная троекратность подчеркивает сакральный характер образа Хольгеркамня в повести. Кроме того, повтор мотива испытания позволяет говорить о символическом преодолении основных конфликтов. Психологический развивается между двумя близнецами. Косте и Феде 13 лет, «только внешностью и характером друг на друга не похожи ни капельки» [19, 3]. Самостоятельный, бойкий Костя доминирует над робким и трусоватым братом. Но при всей непохожести оба героя проходят испытание страхом, выдерживают его, что в итоге намечает путь к их внутренней близости. Испытания, пережитые на заповедном озере, дают им возможность ощутить внутреннее единство, которое изначально чувствует дед, называя их «братьями». Это обращение может быть прочитано и в другом контексте: Кирилл Петрович указывает на его собственное промысловое содружество с мальчиками. Недопонимание между дедом и Костей, который ищет правду по-своему, снисходительное отношение первого к Федьке оказываются тогда вполне преодолимыми временными трудностями, так как автор показывает, что у этих людей разных поколений куда больше общего, чем может показаться на первый взгляд: любовь к родному Северу, жажда жизни, стремление исследовать и защищать мир.

Герои повести И. Молчанова — северяне, люди леса. Их отношение к этому пространству неоднозначно. С одной стороны, лес кажется освоенным ими миром: они проложили по его земле свои тропы; у них «свои» места на его озерах, они строят избушки и целые поселки в лесах; в лесных ручьях оставляют берестяные ковши для воды... С другой стороны, человек у И. Молчанова противопоставлен лесу как дикой природной стихии. Лес даже для любящего его северянина — пространство чужое, в ко-

тором «хорошо идти только знакомой дорогой» [20, 37]. Он проверяет героев. Так, в повести противопоставлены Павлик и Женька. Первого отец воспитывает как мужчину, промысловика. Второй – младший из путешественников — испытания лесом в отличие от друга не выдерживает. Он слаб не только телом, но и духом. Рисуя образы двух героев, автор словно показывает, каким разным может быть отношение к традициям предков. Женька явно отпадает от них, а Павлик, напротив, выступает их продолжателем.

В пространстве леса-мира у И. Молчанова встречаются люди разных поколений: старик Анисим, рассказчик — человек средних лет и дети. Они во многом похожи своей любовью к родным местам, стремлением их узнать и сберечь. Особо значим при этом в тексте образ рассказчика — воплощение настоящего, без которого невозможна связь прошлого и будущего. Он не раз подчеркивает в повести свою принадлежность к Северу и гордится ею. Читатель узнает, что герой имеет военный опыт, что сближает его с Анисимом. Кроме того, в речи рассказчика явно присутствует дидактическое начало: без излишнего морализаторства он стремится научить мальчишек выживать в пространстве мира-леса. Важно, что, ощущая себя старшим и ответственным за жизнь и здоровье ребят, рассказчик во время путешествия проявляет к ним уважение как к равным, видимо, потому что сам смог сохранить в себе ребенка. Неслучайно путь по лесу заставляет его вспомнить не только свои «взрослые», но и детские впечатления. Для рассказчика пребывание в пространстве леса — еще и возвращение к самому себе.

Наконец герой-повествователь — художник. Он очень внимателен к диалектным словам («Странное название накомарник» [20, 9], «рада») и поэтическому образу (глава «Дорога в дебри»). Его восприятие окружающего мира природы, с одной стороны, культурологично, так как, будучи человеком эрудированным, он активно привлекает для характеристики различных явлений свой культурный опыт. С другой — следует говорить об импрессионистичности его взгляда: рассказчик видит мир в точных деталях, он внимательный наблюдатель, образно и эмоционально воспринимающий природный космос. Герой способен ощущать единство с природой, видеть, слышать, чувствовать ее и за нее.

Интересны ему и люди. Рассказчик не оценивает, не судит, он любит человека Севера, узнавая в каждом из встреченных им людей знакомый ему с детства типаж. Отсюда его обобщения: «В этих краях принято всегда здороваться, когда видишь незнакомого» [20, 92]; «Старик, как и все северяне, говорил певуче, с растяжкой на “о”» [там же].

Все это доказывает, что для рассказчика путешествие по лесам Севера — это погружение в родной для него мир, исследовать который можно бесконечно. Неслучайно в финале мы не видим возвра-

щение героев домой, что символично и указывает на то, что их путешествие не заканчивается. Интересно, что повесть А. Коткина так же не завершается возвращением героев домой, как будто история о погружении в природный мир Севера для героев не подходит к концу.

Таким образом, художественная антропология в повестях А. Коткина и И. Молчанова находится в тесной связи с художественной картиной северорусского мира. В первом произведении центром этого мира становится образ озера, а во втором — леса. Несмотря на это, повести сближает система устойчивых мотивов: границы и красоты, связанных с образом озера, богатства и разнообразия северной природы. Причем при их развитии в текстах для обоих авторов исключительно важной становится точка видения человека: А. Коткин раскрывает их через тему охоты и проблему сохранения природного мира, а для И. Молчанова определяющими становятся особенности восприятия рассказчика. При этом в видении мира Кирилла Петровича из «Заповедного озера» и героя-повествователя из повести «В лесах Севера» можно увидеть очевидную близость: оба персонажа представлены как опытные, знающие родной край охотники и исследователи, а также как художники. Сближает произведения и мотив пути, реализованный обоими писателями через образ реки, а И. Молчановым — и через хронотоп леса. Мотив пути в изученных текстах прочитывается не просто как движение в физическом пространстве, но и как духовные, нравственно-философские поиски персонажей, поэтому он сближается с устойчивым мотивом испытания человека/инициации и решается через конфликт произведений. Последний реализуется в структуре системы образов-персонажей, где представлены герои разных поколений. Острее конфликт старшего и юного поколений явлен в повести А. Коткина; у И. Молчанова представлено скорее единство прошлого, настоящего и будущего. Однако и в «Заповедном озере» намечается сближение поколений, к финалу противоречия теряют остроту, а центральным остается мотив наставничества, отражающий традиционную систему взаимоотношений людей на Севере. Кроме того, в обеих повестях присутствует антитеза в образах героев-детей. И если у А. Коткина намечен путь положительного разрешения психологического конфликта братьев, то И. Молчанов на примере приятелей показывает два различных возможных отношения человека к природе и традициям предков. Для художественной антропологии повести последнего характерен обобщающий принцип изображения: наряду с индивидуальными чертами герои, чьи образы поданы через восприятие рассказчика, обладают обобщающими, типологическими характеристиками, восходящими к авторскому видению человека леса, северянина. При всем своеобразии индивидуально-

авторского видения, отраженного в изученных текстах, устойчивые образно-семантические особенности сближают их и делают яркими образцами Северного текста русской литературы для детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельева В. В. Художественная антропология / В. В. Савельева. — Алматы: АГУ им. Абая, 1999. — 281 с.
2. Гвоздева Н. А. «Найти в человеке человека»: художественная антропология Ф. М. Достоевского / Н. А. Гвоздева // Педагогический форум. — 2024. — № 1 (13). — С. 168-169.
3. Куляпин А. И. Миф о настоящем человеке в творчестве В. М. Шукшина / А. И. Куляпин // Филология и человек. — 2013. — № 4. — С. 26-34.
4. Башкеева В. В. Литературная антропология как метод анализа художественного текста / В. В. Башкеева // Русский язык и литература в мультикультурном пространстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 30-31 марта 2017 года. В 2-х ч. Ч. 1. / Под ред. Э. Р. Дроздовой. — Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ — 2017. — С. 18-23.
5. Зайцева Т. Б. Художественная антропология А. П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор). Автореф. дис. ... доктора филол. наук / Т. Б. Зайцева. — Екатеринбург, 2015. — 42 с.
6. Бабук А. В. Художественная антропология детства в литературе XIX в. / А. В. Бабук. — Минск: БГУ, 2018. — 143 с.
7. Погребная Я. В. Антропология детства в художественной литературе как парадигма образов ребенка и наставника / Я. В. Погребная, Е. И. Дворникова // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. — 2023. — № 2 (20). — С. 59-67.
8. Минаева А. В., Коржавина Д. Б. Концепт «детство» в художественной антропологии Ч. Диккенса / А. В. Минаева, Д. Б. Коржавина // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации / Под ред. Н. А. Вапник. — Москва, 2022. — С. 100-105.
9. Миллер Л. В. Лингвокультурная антропология и национальная художественная картина мира (лингвометодический аспект) / Л. В. Миллер // Русский язык в современном Китае. Сборник научно-методических статей V Международной научно-практической конференции / Под ред. А. Е. Горковенко. — Чита: ЗабГУ, 2017. — С. 77-80.
10. Симашко Т. В., Маслова М. Н., Морозова Н. С. Региональная языковая картина мира на базе арктических путешествий XVIII-XIX вв. / Т. В. Симашко, М. Н. Маслова, Н. С. Морозова // Арктика и Север. — 2021. — № 45. — С. 256-268.
11. Кучукова З. А., Жабоева А. А. Этническое своеобразие художественной антропологии (на материале поэзии Кайсына Кулиева) / Кучукова З. А., Жабоева А. А. // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: истоки, современность, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Л. П. Егорова, А. А. Фокина, О. И. Леплиной. — Ставрополь: СГУ, 2012. — С. 246-247.
12. Швецова Т. В. Поступок русского литературного героя в свете проблемы национальной идентичности // Национальные коды в европейской литературе XIX-XXI веков. Коллективная монография / Под ред. Т. А. Шарыпиной, И. К. Полуяхтовой, М. К. Миньшиковой. — Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2016. — С. 276-284.
13. Ермакова Н. А. Художественно-антропологические концепты провинциального текста («Тяжелые сны» Ф. К. Сологуба) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сборник материалов X (XXIV) Международной научно-практической конференции молодых ученых / Под ред. А. Г. Кожевникова. — Томск: ТГУ, 2023. — С. 394-398.
14. Чупрова Е. Н. Локальные тексты как визуальные образы пространства народа коми // Человек. Культура. Образование. — 2014. — № 2 (12). — С. 230-244.
15. Гладцинова М. Н. Семантические составляющие архетипического образа северного человека в художественных текстах // Вологодский текст в русской культуре. Сборник статей по материалам конференции / Под ред. Е. Н. Ильиной, С. Ю. Баранова, С. Х. Головкиной. — Вологда: Легия, 2015. — С. 154-159.
16. Таньшина Н. П. Образ Арктики и полярных экспедиций в художественной литературе // Арктика: История и современность. Труды международной научной конференции, 20-21 апреля 2016. — СПб: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2016. — С. 104-114.
17. Крикливец Е. В. Амбивалентная сущность национального характера в повести В. Белова «Плотничьи рассказы» и романе В. Козько «Хроника дзетдомаўскага саду» // Проблемы художественной антропологии и литературной компаративистики. Сборник статей по итогам международной научной конференции / Сост. Т. В. Швецова, С. А. Дулова. — Архангельск: САФУ, 2024. — С. 17-22.
18. Белова А. П. Чекист молящийся (на материале трилогии В. Белова «Час шестой») // Проблемы художественной антропологии и литературной компаративистики. Сборник статей по итогам международной научной конференции / Сост. Т. В. Швецова, С. А. Дулова. — Архангельск: САФУ, 2024. — С. 31-35.
19. Коткин А. С. Заповедное озеро. — Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1977. — 62 с.
20. Молчанов И. Н. В лесах Севера. — Пермь: Пермское книжное издательство, 1958. — 94 с.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова

Давыдова А. В., к. ф. н., доцент кафедры литературы Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации

E-mail: a.davidova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

Davydova A. V., Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Literature, Higher School of Social and Humanities and International Communication

E-mail: a.davidova@narfu.ru